

Г. Я. ГАЛАГАН

САД ФЕДОРА ПАВЛОВИЧА КАРАМАЗОВА

С местом жизни и смерти Федора Карамазова связан ряд образных мотивов, невольное внимание к которым диктуется и ролью их в большинстве ключевых сцен романа и корневыми истоками их, отсылающими нас к периоду самых тревожных размышлений Достоевского об утрате связующих начал внутри русского общества.

Название города, в котором происходят события, — Скотопригоньевск открывается рассказчиком не сразу. С очень большой долей смущения оно сообщается им лишь в предпоследней книге повествования. Далеко не в самом центре, но и не совсем на окраине этого города и находится дом Карамазова с примыкающими к нему двором и садом. Калитка из сада во двор обычно запирается ночью на замок. В сад открываются двери дома, в которыеходитубийца. В бане, расположенной в саду, убийца рождается, а его мать, безвинная Лизавета, прозванная обитателями города Смердящей, — умирает. В саду стоит и яблонька, в дупло которой убийца прячет украденные деньги. И именно этот сад окружен «высоким и крепким» забором, через который перелезают Лизавета Смердящая и Митя Карамазов.¹

Крепость и высота забора подчеркиваются в романе неоднократно (см.: 14, 89, 353 и др.). И в этом плане забору противопоставлен плетень, как ограждение качественно иное, менее высокое и достаточно хрупкое, поскольку представляет собой изгородь из хвороста и прутьев, перевитых между кольями.² «У нас еще много плетней вместо заборов даже до сегодня» (14, 91), — сообщает рассказчик читателю, излагая историю Лизаветы Смердящей, легко перелезавшей через плетни для ночевок в городских огородах. У плетня, в крапиве и лопушнике, и находит ее подгулявшая компания. Опыт перелезания через плетни и помогает Лизавете,

¹ Забору и состоянию духа тех, кто через него перебирается, большое значение придается в работе Эдварда Висиолека 1957 года. Им же подчеркивается, что название города — Скотопригоньевск может ассоциироваться с понятиями «скотство» («свинство»). См.: *Wasiolek E.* «7» // *The Explicator*. 1957. Oct. № 1. Vol. 16.

² См.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : В 4-х т. СПб.; М., 1882. Т. 3. С. 125.

по словам рассказчика, преодолеть высокий и крепкий забор сада Карамазовых. Через чужие плетни, сокращая путь, перелезает иногда и Алеша, и в том числе (с помощью Мити) — через плетень сада соседского, где брат «стережет „секрет”».

Конечно, в Скотопригоньевске есть и другие заборы. Так, у одного из них Алеша встречается с Илюшой (14, 161), у другого — протягивают две радужные сторублевые кредитки его отцу (14, 190). Но все эти другие заборы не отличаются ни крепостью, ни высотой.

Забор сада Карамазовых — своего рода знаковая особенность места обитания. Посмотрим на функционирование этого мотива в ряде основных сюжетных пластов.

В первые минуты роковой ночи забор отцовского сада для Мити — лишь внешнее препятствие, требующее преодоления: «Он (Митя. — Г. Г.) (...) попал в уединенный переулок на задах (...), огороженный с одной стороны плетнем соседского огорода, а с другой — крепким и высоким забором, обходившим кругом сада Федора Павловича. Тут он выбрал место и, кажется, то самое, где, по преданию, ему известному, Лизавета Смердящая перелезла когда-то забор. „Если уж та смогла перелезть, — Бог знает почему мелькнуло в его голове, — то как же бы я-то не перелез?” И действительно, он подскочил и мигом сноровил схватиться рукой за верх забора, затем энергически приподнялся, разом влез и сел на заборе верхом (...) с забора видны были (...) освещенные окна дома» (14, 352—353).

Несколько минут спустя с оградой отцовского сада навсегда свяжутся обвинения в отцеубийстве и покушении на убийство подвернувшегося Григория, поворотные в судьбе героя. Его признания в доме Морозовой высветят знаковую функцию мотива забора: «...Феня... тут один забор (он глядел на нее как бы загадывая ей загадку), один высокий забор и страшный на вид, но... завтра на рассвете, когда „взлетит солнце”, Митенька через этот забор перескочит... Не понимаешь, Феня, какой забор, ну да ничего... всё равно, завтра услышишь и всё поймешь...» (14, 358).

В сюжете предварительного следствия этот смысл указанного мотива вновь обозначен: «Я с самого начала уже предчувствовал, — обращается Митя к ведущим допрос, — что мы (...) сшибемся лбами (...) Теперь (...) вижу, что доверия (...) и быть не могло, потому что всё же бы мы пришли к этому проклятому забору!» (14, 432).

Возвращение Мити к «поверженному у забора» Григорию — одна из главных опор в построениях как обвинения, так и защиты уже на суде. В речи прокурора к тому же прямо соотнесены понятия «забор» и «преграда». Крик Мити — «В смерти отца не виновен!» — во время дознания в Мокром получает такой комментарий обвинителя: «Что сказать, как ответить — всё это пока еще у него не готово, но готово лишь одно голословное отрижение: „В смерти отца не виновен!” Вот пока наш забор, а там, за

забором, мы, может быть, еще что и устроим, какую-нибудь баррикаду» (15, 147).

Являясь сквозным, мотив забора вместе с тем неразрывно связан с местом обитания, где правит сладострастие. Зловонные «ароматы» смердения, духовного гниения как неизбежное следствие этого правления, ощущимы далеко за пределами забора. А между тем хозяин этого «ароматного» участка города Скотопригоньевска — большой любитель садов. Задолго до трагических событий он даже собирался (по одному из вариантов черновиков — см.: 15, 212) раздвинуть границы своего участка за счет сада соседского (ставшего, кстати, местом признаний Дмитрия Алеше в окончательном тексте — три главы «Исповеди горячего сердца»).

В этом плане принципиально важно, что уже в самом начале романа (глава «Приехали в монастырь») Федор Карамазов (и читатель) сталкивается с еще одним садом. Шагнув за ограду скита, Карамазов обращается к Миусову: «Посмотрите, в какой они долине роз проживают!» (14, 35). И далее следует текст: «Действительно, хоть роз теперь и не было, но было множество редких и прекрасных осенних цветов везде, где только можно было их насадить. Лелеяла их, видимо, опытная рука. Цветники устроены были в огородах церквей и между могил. Домик, в котором находилась келья старца, деревянный, одноэтажный, с галереей перед входом, был тоже обсажен цветами» (14, 35).

Так вводится в роман тема сада, относящаяся уже к проблемным решениям, связанным со старцем Зосимой.

Все перечисленные мотивы (сладострастия, гниения, смердения, сада, забора) оформляются в творческом сознании Достоевского к середине 1870-х годов, когда разрушение связующих начал внутри нации ставит под сомнение жизнеспособность русской идеи общечеловеческого единения.³

В начале работы над «Дневником писателя» за 1876 год текущая действительность определяется Достоевским как «гнило-гуманное время» (24, 129), чреватое возможностью потери «лица человеческого», заменой его «скотским образом раба», «образом скотины» (22, 34). Метафорический мотив гниения высвечивают уже первые наброски к разделу «Парадоксалист» (24, 72, 97) и вместе с окончательным текстом (апрель 1876 года) однозначно говорят о том, что этот мотив — символ духовного разложения, грядущие последствия которого, по мысли героя, — превращение мира в «слизь, (...) подлую слякость, зараженную гнильими ранами» (22, 126). Из собирательного образа пороков, влекущих мир к этому финалу, — и автором, и героем — в качестве главных выделяются два — сладострастие и сластолюбие (22, 124; 23, 163).

³ См. об этом: Галаган Г. Я. Проблема лучших людей в наследии Достоевского (1873—1876) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 12. С. 99—107.

Заметим здесь же, что первые упоминания о Лизавете Смердящей появляются в черновой тетради Достоевского 1874—1875 годов (16, 386, 388, 394, 404).

Основные образно-тематические опоры в размышлениях героя парадоксалиста («Парадоксалист») — гниение, язва, лицемерие являются устойчивыми мотивами метафорической символики Священного Писания. Этот библейский пласт обличающих мир монологов героя вскрывается мною в статье «Мечта парадоксалиста»,⁴ и потому останавливаться на нем я не буду. Отмечу лишь, что инструментарий анализа любителя парадоксов — прямое следствие тех болевых для Достоевского проблем, которые рождались текущей действительностью.

Так, ко времени напряженного продумывания основных тем раздела «Парадоксалист» (конец 1875 года) относится следующая запись в рабочей тетради Достоевского: «...последний вывод: ясно, что общество имеет предел своей деятельности, тот забор, о который оно наткнется и остановится, этот забор (курсив мой. — Г. Г.) есть нравственное состояние общества» (24, 100). С этим забором самым тесным образом и связана ограда карамазовской усадьбы (бывшего родового имения первой жены Федора Павловича), что подтверждается и тем, что в центре следующего диалога между автором и героем — тема сада. А точнее — двух садов.

Один из них — парк эмского курорта с его аллеями, музыкой, морем цветов и праздной толпой, приехавшей лечиться от физических недугов. Называя этот сад «искусственным» (23, 96), любитель парадоксов ставит врачам и их пациентам общий диагноз: они больны духовно. Тема первого сада — результат этого диагноза: «Войдите, — обращается к автору герой, — и погрузитесь в эту толпу: на лицах радость, веселье (...) Посмотрите: раздается музыка, люди смеются, дамы одеты так, как, уж конечно, никто не одевался во дни Соломоновы (...) Они рядятся, они прекрасны, и выходит (...) рай. Да и не все ли равно: „рай“ или „точно рай?“» (23, 86—87).

Болезнь обитателей «искусственного сада» — в забвении заповедей Священного Писания как целительного источника. Инструментарий аргументации героя отсылает нас к Книге пророка Исаии: «...отступникам и грешникам — погибель, и оставившие Господа истребятся. Они будут постыжены за дубравы, которые столь вожделены для вас, и посрамлены за сады, которые вы избрали себе; ибо вы будете, как дуб, которого лист опал, и как сад, в котором нет воды» (Ис. 1, 26—30).

Саду эмского курорта тот же любитель парадоксов противопоставляет сад другой (теперь уже — с прописной буквы), Сад с

⁴ См.: Галаган Г. Я. Мечта парадоксалиста // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1997. Т. 14. С. 180—186.

духовно возрожденными людьми: «...не знаю, как это все будет, — признается он автору, — но это сбудется, Сад будет. Помяните мое слово хоть через сто лет (...) Человечество обновится в Саду и Садом выправится» (23, 96). Тема этого Сада также восходит к Священному Писанию: «... доколе не излиется на нас Дух свыше, и пустыня не сделается садом, а сад не будет считать лесом. Тогда суд водворится в этой пустыне, и правосудие будет пребывать на плодоносном поле. И делом правды будет мир, и плодом правосудия — спокойствие и безопасность вовеки»; «...ты будешь, как напоенный водою сад и как источник, которого воды никогда не иссякают» (Ис. 32, 15—17; 58, 11. Ср.: Лк. 13, 18—19).

Сад с обновленным человечеством — это рай, Эдем. Путь в этот Сад, исцеление от язвы духовной и гнойных ран лежит через покаяние, через очищение от грехов.

Само появление этого Сада, Сада с прописной буквы (июльско-августовский выпуск «Дневника писателя» за 1876 год) оказалось возможным потому, что лето 1876 года с его общерусским движением в защиту славян было воспринято Достоевским как свидетельство отступления разъединяющих сил. Единство позиций автора и героя очевидно из их признаний. Сопоставим эти признания.

Герой: «...если явижу где зерно или идею будущего — так это у нас, в России. Почему так? (...) благодаря согласию земли. Вот на это-то согласие я бью и во всем остальном (...) и я летом даже еще здесь (в Эмсе. — Г. Г.) боялся, чтоб с нас все это братство вдруг как-нибудь не соскочило. Но теперь, — теперь даже уж и я не боюсь (...) Согласию-то этому нашему, всеобщему и столь, так сказать внезапному, трудно бы было поверить, если б даже кто и предсказывал. А меж тем совершившееся совершилось» (23, 98, 100—101).

Автор: «Всякая высшая и единящая мысль и всякое верное единяще всех чувство — есть величайшее счастье в жизни наций. Это счастье посетило нас. Мы не могли не ощутить всецело нашего умножившегося согласия, разъяснения многих прежних недоумений (...) Самые слухи и толки о политическом и социальном разложении русского общества, как национальности, давно уже крепившиеся в Европе, несомненно должны получить теперь, в глазах ее, сильное опровержение: оказалось, что, когда надо, русские умеют и соединяться» (23, 104).

Таким образом, проблематика, связанная с исторической миссией России, и тема сада в ее художественно-публицистическом решении у Достоевского внутреннее сопрягаются.

Хотя события романа «Братья Карамазовы» отодвинуты в прошлое на 13 лет (от времени рассказа о них), вряд ли можно сомневаться, что писатель раскрывает самую суть русской текущей действительности: ведь задача противодействия разъединяющим силам, вставшая перед ним в конце первого пореформен-

ного десятилетия, определилась в качестве главной лишь к середине 1870-х годов.

Летние события 1876 года подтвердили Достоевскому жизнеспособность русской идеи, но всех болевых ощущений, связанных с этой проблемой, не сняли.⁵ Отсюда — та же пристальность его внимания к теме духовного гниения. Однако теперь в центре этого внимания — саморазрушающее начало сил разъединяющих.

Сад Федора Павловича — средоточие смердения. И в этом саду происходят не только страшные, но и странные события. Вот, например. Основной уликой в обвинении Мити становится показание Григория об «отворенной двери». Повествователь называет это показание «капитальным» (15, 96), Алеша — самым «сильным» (15, 10). Мотив двери в тексте романа связан изначально с Федором Карамазовым: «тайные стуки», извещающие о приходе Грушеньки, — сигналы в окно либо в дверь. О двери как одном из слагаемых «секрета» Карамазова становится известным Смердякову, а от него — Мите и Ивану.

Накануне катастрофы дверь и сад воспринимаются Митей как единое предвестие беды: «Глубокая тоска облегла, как тяжелый туман, его душу (...) Ему вдруг представился сад, ход за садом, у отца в доме таинственно отворяется дверь, а в дверь пробегает Грушенька...» (14, 340).

Бесспорной уликой становится показание Григория для обвинителя.

«Дверь стояла отпертою, и убийца вашего родителя, — обращается к Мите прокурор на дознании в Мокром, — несомненно вошел в эту дверь, и, совершив убийство, этою же дверью и вышел» (14, 426).

Судебный процесс лишь подтверждает значимость связи между убийцей и отворенной дверью в качестве роковой.

Почему же отворенная дверь становится главной уликой обвинения? И почему она с такой же настойчивостью, как и забор, через который Митя перелезает, вводится в сознание читателя?

Учитывая то обстоятельство, что тема сада, вошедшая в творчество Достоевского середины 1870-х годов, корнями своими уходит в текст Священного Писания, мы не можем не вспомнить об этом из основных мотивов метафорической символики Нового Завета — мотиве «двери». «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет и выйдет, и пажить найдет» (Иоанн. 10, 9). Это — 9-й стих главы 10-й Евангелия от Иоанна. Открывается же эта, 10-я глава следующим стихом: «Истинно, истинно говорю вам: кто не дверью входит во двор овчий, но перелазит инде, тот вор и разбойник» (Иоанн. 10, 1). И далее, стих 10-й: «Вор

⁵ Недаром тема «лучших людей» как связующего начала внутри нации не сходит со страниц «Записной тетради» Достоевского даже после Пушкинской речи

приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить» (Иоанн. 10, 10).

Странность случившегося в саду Карамазова в том и состоит, что убийца входит в двери, а невиновный в крови отца перелезает через забор.

Вспомним еще один стих из Евангелия от Иоанна. Обращаясь к неверящим ему, Христос произносит: «...вы не верите, ибо вы не из овец моих...» (Иоанн. 10, 26). Забвение заветов Священного Писания приводит к тому, что полновластным правителем сада Карамазова становится «свидетель с хвостом» (как Иван называл черта), который являлся герою в галлюцинациях и многочисленные родичи которого отворяли двери в снах Лизы Хохлаковой. Цель совокупной устремленности этих соплеменников так определялась Достоевским все в том же «Дневнике...» за 1876 год (январский выпуск): «Идея их царства — раздор», доводящий людей «до нелепостей, до затмения и извращенности ума и чувств» (22, 34. Глава третья, раздел «Сpirитизм. Нечто о чертях. Чрезвычайная хитрость чертей, если только это черти»).

Однако состояние раздора чревато возможностью насилия внутри самих разъединяющих начал, что влечет за собою (рано или поздно) неизбежность их гибели. Это и случилось в саду Федора Павловича Каармазова.

Разумеется, разъединяющие силы достаточно активны и за пределами сада Карамазова: в Скотопригоньевске есть и «смрадные переулки» (14, 144) и — как я уже отмечала — другие заборы, не столь высокие и крепкие, как карамазовский. Но за пределами города есть монастырь и есть скит, с которыми связана тема совсем другого сада, Сада сил объединяющих.

Эта тема требует уже отдельного разговора.